

Книга
для
детского
сада

Книга
для
детского
сада

· МОСКВА
РОСМЭН
2015

О. Высотская
Детский сад

Мы приходим в детский сад,
Там игрушки стоят.
Паровоз,
Пароход
Дожидаются ребят.

Там картинки на стене
И цветы на окне.
Захочу —
Поскачу
На игрушечном коне!

В этом доме всё для нас —
Сказки, песня и рассказ,
Шумный пляс,
Тихий час, —
В этом доме всё для нас!

Вот какой хороший дом!
В нём растём мы с каждым днём,
А когда
Подрастём,
Вместе в школу пойдём.

В. Маяковский

**Что такое хорошо
и что такое плохо?**

Крошка-сын
к отцу
пришёл,
И спросила кроха:
— Что такое
хорошо
и что такое
плохо? —
У меня секретов нет, —
слушайте, детишки, —
папы этого
ответ
помещаю
в книжке.

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожце, —
ясно,

это плохо очень
для ребячьей кожицы.

Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.

Если бьёт
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
не хочу
даже
вставить в книжку.
Этот вот кричит:

— Не трожь
тех,
кто меньше ростом! —
Этот мальчик
так хорош,
загляденье просто!

Если ты порвал
книжицу подряд
и мячик,
октябрята говорят:
плоховатый мальчик.
Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку пальчик,
про такого
пишут тут:
он
хороший
мальчик.

От вороны
карапуз
убежал, захов.
Мальчик этот
просто трус.

Это
очень плохо.
Этот,
хоть и сам с вершок,
спорит
с грозной птицей.
Храбрый мальчик,
хорошо,
в жизни пригодится.

Этот
в грязь полез и рад,
что грязна рубаха.
Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.

Этот
чистит валенки,
моет
сам
галоши.

Он
хотя и маленький,
но вполне хороший.

Помни
это
каждый сын.

Знай
любой ребёнок:
вырастет из сына
свин,
если сын —
свинёнок.

Мальчик
радостный пошёл,
и решила кроха:
«Буду
делать хорошо,
и не буду —
плохо».

З. Александрова

Дождик

К нам на длинной мокрой ножке
Дождик скачет по дорожке.
В лужице — смотри, смотри! —
Он пускает пузыри.
Если лужицы нальются,
Так и хочется разуться,
Побежать и потрясти
В тёплом дождике кусты...
Дождь плясал по огороду,
Поливал на грядки воду,
Тучу-лейку перенёс,
Напоил в полях овёс.
Сохнут вымытые чисто
Лопухов большие листья.
Это очень хорошо,
Что сегодня дождик шёл!

В. Данько

Что делать после дождика?

- Что делать после дождика?
- По лужицам скакать!

- Что делать после дождика?
- Кораблики пускать!

- Что делать после дождика?
- На радуге качаться!

- Что делать после дождика?
- Да просто улыбаться!

В. Данько

Мой пёс

Я пса нашёл.
Совсем щенок,
Он под дождём
Стоял и мок.
Он был измучен,
Худ и слаб.
Текла вода
С ушей и лап
И с кончика хвоста,
Как с мокрого куста.

И я сказал:
— Пойдём со мной.
Пойдём, щенок,
Ко мне домой!

Теперь мы неразлучны с ним.
Он стал приятелем моим.
И если я
Учу урок,
Урок за мной
Твердит щенок.

Ходить везде со мной он рад —
К друзьям
И на каток...
Он рос
И рос
Сто дней
Подряд.
Он больше
Не щенок!

Он стал теперь
С меня почти.
С такой собакой
Не шути!

Но если кто-нибудь из вас
Окажется в беде,
На помощь он придёт тотчас,
В огне
Или в воде.

Спасёт
Мой пёс
Меня
И вас,
Как я
Его
Когда-то спас.

И. Пивоварова

Всех угостила

Я друзей
Сегодня днём
Угощала
Киселём.

Съели лиски
По две миски,
Облизали ложки,

И, отведав киселя,
— Мур-р-р, — сказали кошки.
— Хрю-хрю-хрю,
Хорош кисель! —
Радовались свинки,

И пеструшки-курочки
Выпили по крынке.
— Замечательный кисель! —
Белки похвалили. —
Мы такого киселя
Никогда не пили.

Прилетел и воробей,
Прыгнул на окошко,
И ему досталось тоже
Киселя немножко.
Всех друзей
Я киселём
Вкусным угостила,
Не беда, что мне самой
Так и не хватило.

Н. Саконская

Разговор о маме

От чистого сердца,
Простыми словами
Давайте, друзья,
Потолкуем о маме.

Мы любим её,
Как хорошего друга
За то, что у нас
С нею всё сообща,

За то, что, когда
Нам приходится тужо,
Мы можем всплакнуть
У родного плеча.

Мы любим её и за то,
Что порою
Становятся строже
В морщинках глаза.

Но стоит с повинной
Прийти головою —
Исчезнут морщинки,
Умчится гроза.

За то, что всегда
Без утайки и прямо
Мы можем доверить
Ей сердце своё.

И просто за то,
Что она наша мама,
Мы крепко и нежно
Любим её.

Я. Аким

Неумейка

Слыхали?
Сегодня
В подъезде
Восьмом
Ходил почтальон
С необычным Письмом.

Измятый
Конверт,
А на нём
По линейке
Написано чётко:
ВРУЧИТЬ НЕУМЕЙКЕ.

На первый этаж
Письмоносец
Зашёл.
Увидел, как Вову
Сажали
За стол.

Со сказкою Вове
Вливали бульон.
— Письмо Неумейке! —
Сказал почтальон.

За ложку
Схватился
Испуганный
Вова,
А мама ответила:
— Нету такого!

В квартире
Над ними
Жил мальчик
Андрюша.
По комнате всей
Раскидал он
Игрушки.

Услышав про адрес,
Смутился
Андрейка:
— Не думайте, дядя,
Что я — Неумейка!

Я, дядя,
Ещё не окончил
Игру,
Вот выстрою
Домик —
И всё уберу.

Направилась
Почта
В квартиру направо,
Где только проснулся
Голубчиков
Слава.

Сестрёнка ему
Надевала
Чулоч,
А Слава сучал
И глядел
В потолок.

Сказал почтальон:
— Неплохая семейка!
Не здесь ли живёт
Гражданин
Неумейка?

Но Слава,
Услышав
Обидное слово,
Чулоч натянул
И воскликнул:
— Да что вы!

Я сам одеваюсь,
Когда захочу,
А это —
Ну... просто
Сестрёнку учу!

Идёт письмоносец
В другую
Квартиру —
И видит
На кухне
Такую картину:
Тарелки
Помыты
И сложены в груды,
А мама и дочь
Вытирают
Посуду.

Сказал почтальон,
Улыбнувшись:
— Беда!
Простите,
Я снова
Попап не туда.

Спустился
Во двор
Письмоносец
И вскоре
Чуть-чуть не упал
На трёхлетнего
Бору —
Цветы
Поливал он
Из маленькой
Лейки.

И здесь
Не нашёл
Почтальён
Неумейки!

Присел
Почтальён,
Отдохнул
И опять
Отправился в путь
Неумейку искать.

...Письмо
Получателя ищет
По свету.
Но что же в письме?
Рассказать по секрету?

Два слова
В конверте
Письма заказного:
ПОЗОР НЕУМЕЙКЕ! —
Обидных два слова.

И я вас прошу,
Постарайтесь,
Ребята,
Чтоб это письмо
Не нашло
Адресата!

В. Осеева

Гостья

В детский сад пришла чужая кошка,
В сильный дождь откуда-то пришла,
Постучалась лапкою в окошко,
На карниз уселась и ждала.

По стеклу сбегали быстро капли
На худое кошкино лицо,
Лапки серые в воде обмякли...
Мы открыли двери на крыльцо.

Все гурьбой мы бросились к окошку —
Сыпал дождь на головы с берёз!
Первый я схватил чужую кошку,
Поднял вверх и в комнату принёс.

Мы налили в блюдечко какао,
Накрошили сладкий пирожок...
Гостя выпила, сказала: «Мяу!»
По-кошачьи значит: «Хорошо!»

И. Пивоварова

Ёжик

Нашли в лесу мы ёжика
И принесли домой.
Пускай по кухне бегают,
Колючий и смешной.

Пускай ворчит сердито,
Пыхтит, как паровоз,
Пускай суёт повсюду
Свой круглый чёрный нос!

Ему мы дали коврик
И чашку с молоком,
А утром он вернётся
В тенистый бурелом,

Где тихо и прохладно,
Где ландыши стоят,
Где ждут его ежика
И пятеро ежат.

Э. Мошковская

Кузнечик

Он прыгнул на дорогу...
А я уж ставил ногу
и чуть не наступил!
И чуть я не убил!

Как подпрыгнул
тот кузнечик,
он весёлый!
Он живой!
Хорошо, что я заметил!
Хорошо, что он живой!

А. Кушнер

**Кто разбил
большую вазу?**

Кто разбил большую вазу?
Я признался, но не сразу.

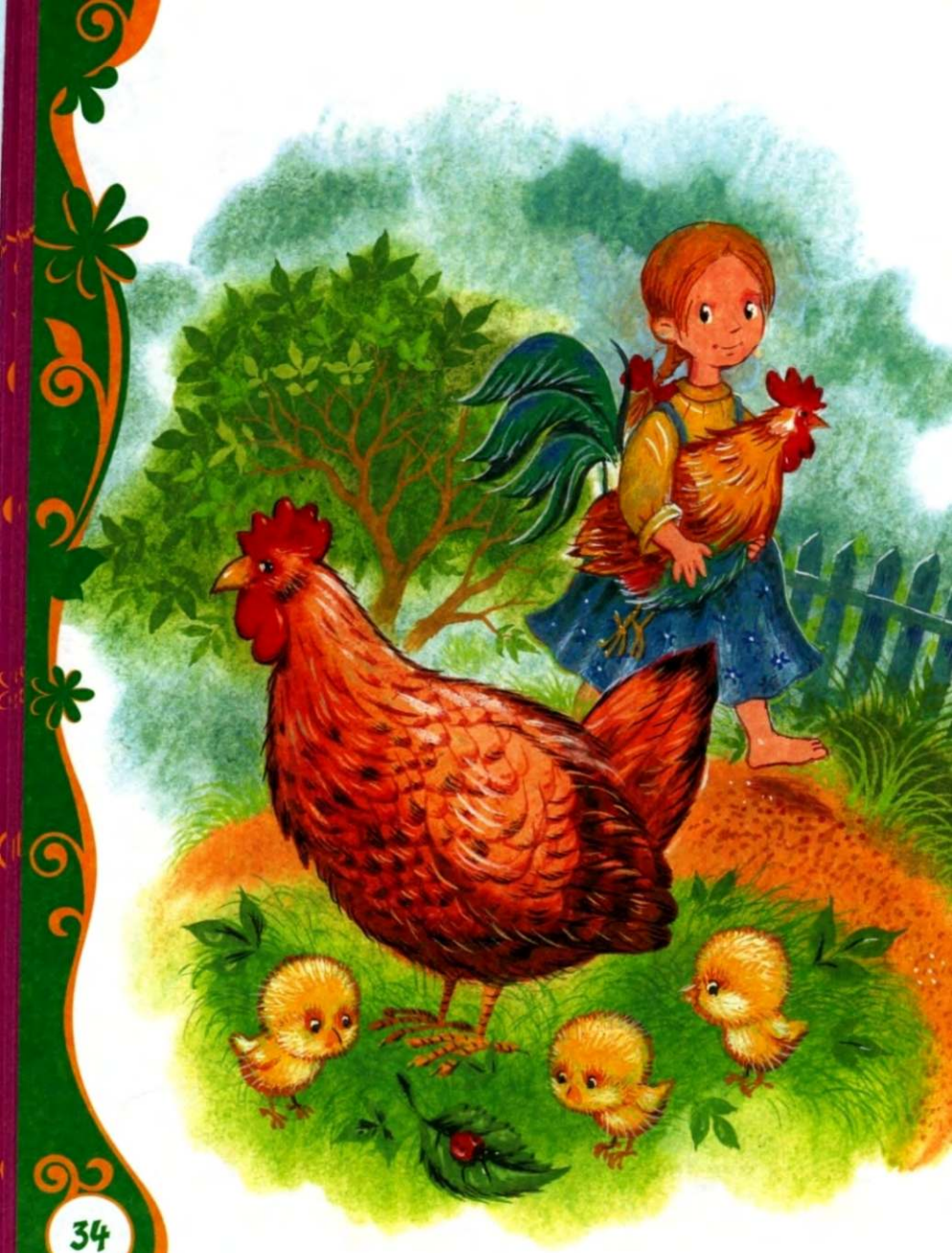
Пусть подумают немножко,
Пусть на кошку поглядят:
Может быть, разбила кошка?
Может, я не виноват?

Кошка, ты разбила вазу?
Жалко серую пролазу.
Кошка жмурится на свет,
А сказать не может «нет».
Я ещё поколебался
С полминуты — и признался.

Рассказы
о хорошем

В. Осеева

Добрая хозяйюшка

Жила-была девочка. И был у неё петушок. Встанет утром петушок, запоёт:

— Ку-ка-ре-ку! Доброе утро, хозяйюшка!

Подбежит к девочке, поклюёт у неё из рук крошки, сядет с ней рядом на завалинке. Пёрышки разноцветные, словно маслом смазаны, гребешок на солнышке золотом отливает. Хороший был петушок.

Увидела как-то раз девочка у соседки курочку. Понравилась ей курочка. Просит она соседку:

— Отдай мне курочку, а я тебе своего петушка отдам.

Услыхал петушок, свесил на сторону гребень, опустил голову, да делать нечего — сама хозяйка отдаёт.

Согласилась соседка — дала курочку, взяла петушка. Стала девочка с курочкой дружить. Пушистая курочка, тёпленькая, что ни день — свежее яичко снесёт.

— Куд-кудах, моя хозяйюшка! Кушай на здоровье яичко!

Сьест девочка яичко, возьмёт курочку на колени, пёрышки ей гладит, водичкой поит, пшеном угощает. Только раз приходит в гости соседка с уточкой. Понравилась девочке уточка. Просит она соседку:

— Отдай мне твою уточку — я тебе свою курочку отдам!

Услыхала курочка, опустила пёрышки, опечалилась, да делать нечего — сама хозяйка отдаёт.

Стала девочка с уткой дружить.

Ходят вместе на речку купаться. Девочка плавёт — и уточка рядышком.

— Тась, тась, тась, моя хозяйюшка! Не пльиви далеко, в речке дно глубоко!

Выйдет девочка на бережок — и уточка за ней.

Приходит раз сосед. За ошейник щенка ведёт. Увидала девочка:

— Ах, какой щеночек хорошенький! Дай мне щенка — возьми мою уточку!

Услыхала уточка, захлопала крыльями, закричала, да делать нечего. Взял её сосед, сунул под мышку и унёс.

Погладила девочка щенка и говорит:

— Был у меня петушок — я за него курочку взяла, была курочка — я её за уточку отдала, теперь уточку на щенка променяла.

Услышал это щенок, поджал хвост, спрятался под лавку, а ночью открыл лапой дверь и убежал.

— Не хочу с такой хозяйкой дружить! Не умеет она дружкой дорожить.

Проснулась девочка — никого у неё нет!

В. Осева

Хорошее

Проснулся Юрик утром. Посмотрел в окно. Солнце светит. Денёк хороший.

И захотелось мальчику самому что-нибудь хорошее сделать.

Вот сидит он и думает: «Что, если б моя сестрёнка тонула, я бы её спас!»

А сестрёнка тут как тут:

— Погуляй со мной, Юра!

— Уходи, не мешай думать!

Обиделась сестрёнка, отошла.

А Юра думает: «Вот если б на няню волки напали, а я бы их застрелил!»

А няня тут как тут:

— Убери посуду, Юрочка.

— Убери сама — некогда мне!

Покачала головой няня. А Юра опять думает: «Вот если б Трезорка в колодец упал, а я бы его вытащил!»

А Трезорка тут как тут. Хвостом виляет: «Дай мне попить, Юра!»

— Пошёл вон! Не мешай думать!

Закрыл Трезорка пасть, полез в кусты. А Юра к маме пошёл:

— Что бы мне такое хорошее сделать?

Погладила мама Юру по голове:

— Погуляй с сестрёнкой, помоги няне посуду убрать,
дай водички Трезору.

В. Осеева

Волшебное слово

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь, — сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Ещё бы! — сердито буркнул мальчик. — Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу. — Павлик сжал кулаки. — Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!..

— Не даёт? Ну, из-за этого убегать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик. — Один поругает — другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни: тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую, — усмехнулся Павлик, — я сейчас же попробую.

Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик. — Разве такая поймёт волшебное слово!»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

— Ка-кую тебе?

— Мне синюю, — робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, улыбке...

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щёки.

«Волшебник! Волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его, — вдруг сказала сестра. — Что тебе стоит?

— Ну отчего же не взять? — улыбнулась бабушка. — Конечно, возьми.

— Пожалуйста, — повторил Павлик.

Брат громко засмеялся. Потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся.

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

В. Осеева

До первого дождя

Таня и Маша были очень дружны и всегда ходили в детский сад вместе. То Маша заходила за Таней, то Таня за Машей. Один раз, когда девочки шли по улице, начался сильный дождь. Маша была в плаще, а Таня в одном платье. Девочки побежали.

— Сними свой плащ, мы накроемся вместе! — крикнула на бегу Таня.

— Я не могу, я промокну! — нагнув вниз голову с капюшоном, ответила ей Маша.

В детском саду воспитательница сказала:

— Как странно, у Маши платье сухое, а у тебя, Таня, совершенно мокрое, как же это случилось? Ведь вы же шли вместе?

— У Маши был плащ, а я шла в одном платье, — сказала Таня.

— Так вы могли бы укрыться одним плащом, — сказала воспитательница и, взглянув на Машу, покачала головой. — Видно, ваша дружба до первого дождя!

Обе девочки покраснели: Маша за себя, а Таня за Машу.

В. Осеева

Синие листья

У Кати было два зелёных карандаша. У Лены ни одного.

Вот и просит Лена Катю:

— Дай мне зелёный карандаш!

А Катя и говорит:

— Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

— Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

— Мама-то позволила, а брата я не спросила.

— Ну что ж, спроси ещё брата, — говорит Лена.

Приходит Катя на следующий день.

— Ну что, позволил брат? — спрашивает Лена.

— Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

— Я осторожненько, — говорит Лена.

— Смотри, — говорит Катя, — не чини, не нажимай крепко и в рот не бери. Да не рисуй много.

— Мне, — говорит Лена, — только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.

— Это много, — говорит Катя, а сама брови хмурит.
И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш.
Удивилась Катя, побежала за ней.

— Ну что ж ты? Бери!

— Не надо, — отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

— Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

— Карандаша зелёного нет.

— А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела и говорит:

— Я ей давала, а она не берёт.

Посмотрел учитель на обеих:

— Надо так давать, чтобы можно было взять.

В. Драгунский

Друг детства

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далёкие звёзды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далёкий Сингапур, и купить там забавную обезьянку.

А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

— Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полоски для мчащихся машин.

А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на

двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе, как дым, вот и все дела.

Когда я всё это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу.

Как они молотили друг друга — просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную «грушу» — такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделься на всё на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу!

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

— А тебе зачем? — сказал папа.

— Тренироваться, — сказал я. — Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

— Сколько же стоит такая груша? — поинтересовался папа.

— Пустяки какие-нибудь, — сказал я. — Рублей десять или пятнадцать.

— Ты спятил, братец, — сказал папа. — Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошёл на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

— Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колёс и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлапкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

— Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный — жёлтый стеклянный, а другой большой белый — из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было неважно, потому что мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и вы-

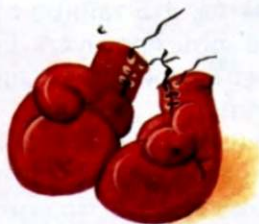
пятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная, милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

— Ты что, — сказала мама, она уже вернулась из коридора. — Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

— Ты о чём, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

В. Драгунский

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:
— ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

— Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

— А это значит, что, если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему очень стыдно, и он понесёт наказание, — сказала мама. — Понял? Ложись-ка ты спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

— Ешь! — сказала мама. — Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

— Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей!
Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

— Я ею давлюсь!..

Тогда мама села рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

— Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

— Конечно хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

— Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни: ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал — ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал пещу, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол. В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

— Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! — И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

— Здравствуйте! — и подошёл к окну, и поглядел вниз. — А ещё интеллигентный человек.

— Что вам нужно? — строго спросила мама.

— Как не стыдно! — Милиционер даже стал по стойке «смирно». — Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

— Не клеветайте. Ничего я не выливаю!

— Ах не выливаете?! — язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: — Пострадавший! Пожалуйте сюда!

И к нам вошёл какой-то дяденька. Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал заикаться:

— Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... Манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжёт... Как же я пошлю своё фото... когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник. А уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

— Извините, пожалуйста, — сказала она тихо, — разрешите, я вам почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

— Да, мама, ты вчера правильно сказала. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

— Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

— Да.

Самые
хорошие
сказки

А. С. Пушкин

Сказка о золотом петушке

Мегде, в тридевяти царстве,
В тридесятом государстве;
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.

Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь —
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь — лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочёту и скопцу.
Шлёт за ним гонца с поклоном.

Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенётся
И в то место обернётся».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, —

Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою»..
Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож, как со сна,
Шевельнётся, встрепенётся,
К той сторонке обернётся
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лёжа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробуждён:
«Царь ты наш! отец народа! —
Возглашает воевода. —
Государь! проснись! беда!» —
«Что такое, господа? —
Говорит Дадон, зевая. —
А?.. Кто там?.. беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку, — ан на спице,
Видит, бьётся петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на́ конь! Эй, живее!»

Царь к востоку войско шлёт,
Старший сын его ведёт.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять;
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлёт на выручку большого;
Петушок опять утих.

Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;
Петушок кричит опять,
Царь скликаёт третью рать
И ведёт её к востоку,
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» — мыслит он.

Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шёлковый шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мёртвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась — и с поклоном

Его за руку взяла
И в шатёр свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот,
С шумом встретил их народ, —
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе! Что прикажешь?» —
«Царь! — отвечает мудрец, —
Разочтёмся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою

Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».
Крайне царь был изумлён.
«Что ты? — старцу молвил он. —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?

Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница!
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?

Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего». —
«Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу», —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока!
Оттащите старика!»

Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он...
Вдруг раздался лёгкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон!
Охнул раз — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрый молодцам урок.

Баба-яга

Жили-были муж с женой, и была у них дочка. Заболела жена и умерла. Погоревал-погоревал мужик да и женился на другой.

Невзлюбила злая баба девчонку, била её, ругала, только и думала, как бы совсем извести, погубить.

Вот раз уехал отец куда-то, а мачеха и говорит девочке:

— Поди к моей сестре, твоей тётке, попроси у неё иголку да нитку — тебе рубашку сшить.

А тётка эта была Баба-яга, костяная нога. Не посмела девочка отказаться, пошла, да прежде зашла к своей родной тётке.

— Здравствуй, тётушка!

— Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

— Послала меня мачеха к своей сестре попросить иголку и нитку — хочет мне рубашку сшить.

— Хорошо, племянница, что ты прежде ко мне зашла, — говорит тётка. — Вот тебе ленточка, масло, хлебец да мяса кусок. Будет там тебя берёзка в глаза стегать — ты

её ленточкой перевяжи; будут ворота скрипеть да хлоп-
пать, тебя удерживать — ты подлей им под пяточки мас-
лица; будут тебя собаки рвать — ты им хлебца брось;
будет тебе кот глаза драть — ты ему мясца дай.

Поблагодарила девочка свою тётку и пошла.

Шла она, шла и пришла в лес. Стоит в лесу за высоким
тыном избушка на курьих ножках, на бараньих рожках, а в
избушке сидит Баба-яга, костяная нога — холст ткёт.

— Здравствуй, тётушка! — говорит девочка.

— Здравствуй, племянница! — говорит Баба-яга. — Что
тебе надобно?

— Меня мачеха послала попросить у тебя иголочку и
ниточку — мне рубашку сшить.

— Хорошо, племяннушка, дам тебе иголочку да ниточку,
а ты садись покуда поработай!

Вот девочка села у окна и стала ткать.

А Баба-яга вышла из избушки и говорит своей работнице:

— Я сейчас спать лягу, а ты ступай истопи баню и вымой племянницу. Да смотри, хорошенько вымой: проснусь — съем её!

Девочка услышала эти слова — сидит ни жива ни мертва. Как ушла Баба-яга, она стала просить работницу:

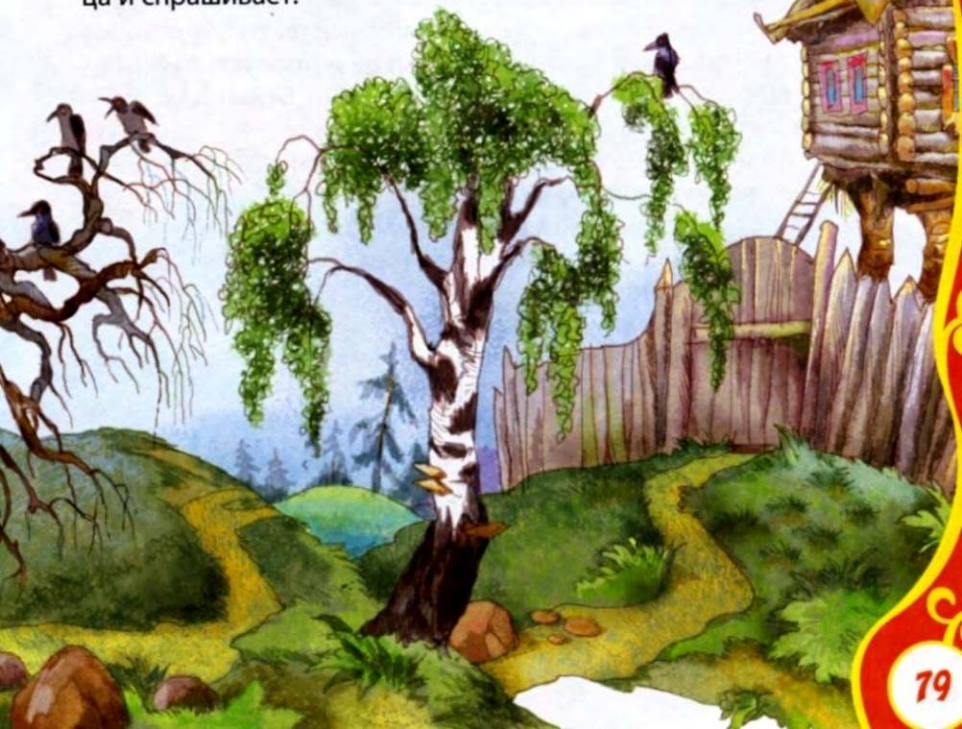
— Родимая моя! Ты не столько дрова в печи поджигай, сколько водой заливай, а воду решетом носи! — И подарила ей платочек.

Работница баню топит, а Баба-яга проснулась, подошла к окошку и спрашивает:

— Ткёшь ли ты, племяннушка, ткёшь ли, милая?

— Тку, тётушка, тку, милая!

Баба-яга опять спать легла, а девочка дала коту мясца и спрашивает:

— Котик-братик, научи, как мне убежать отсюда.

Кот говорит:

— Вон на столе лежит полотенце да гребешок, возьми их и беги поскорее: не то Баба-яга съест! Будет за тобою гнаться Баба-яга — ты приложи ухо к земле. Как услышишь, что она близко, брось гребешок — вырастет густой дремучий лес. Пока она будет сквозь лес продираться, ты далеко убежишь. А опять услышишь погоню — брось полотенце: разольётся широкая да глубокая река.

— Спасибо тебе, котик-братик! — говорит девочка.

Поблагодарила она кота, взяла полотенце и гребешок и побежала.

Бросились на неё собаки, хотели её рвать, кусать — она им хлеба дала. Собаки её и пропустили.

Ворота заскрипели, хотели было захлопнуться, а девочка подлила им под пяточки маслица. Они её и пропустили.

Берёзка зашумела, хотела ей глаза выстегать, — девочка её ленточкой перевязала. Берёзка её и пропустила. Выбежала девочка и побежала что было мочи. Бежит и не оглядывается.

А кот тем временем сел у окна и принялся ткать. Не столько ткёт, сколько путает.

Проснулась Баба-яга и спрашивает:

— Ткёшь ли ты, племяннушка, ткёшь ли, милая?

А кот ей в ответ:

— Тку, тётка, тку, милая!

Бросилась Баба-яга в избушку и видит — девочки нету, а кот сидит, ткёт.

Принялась Баба-яга бить да ругать кота:

— Ах ты, старый плут! Ах ты, злодей! Зачем выпустил девчонку? Почему глаза ей не выдрал? Почему лицо не поцарапал?..

А кот ей в ответ:

— Я тебе сколько лет служу, ты мне косточки обглоданной не бросила, а она мне мясца дала!

Выбежала Баба-яга из избушки, накинулась на собак:

— Почему девчонку не рвали, почему не кусали?..

Собаки ей говорят:

— Мы тебе столько лет служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала!

Подбежала Баба-яга к воротам:

— Почему не скрипели, почему не хлопали? Зачем девчонку со двора выпустили?..

Ворота говорят:

— Мы тебе столько лет служим, ты нам и водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица не пожалела!

Подскочила Баба-яга к берёзке:

— Почему девчонке глаза не выстегала?

Берёзка ей отвечает:

— Я тебе столько лет служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она мне ленточку подарила!

Стала Баба-яга ругать работницу:

— Что же ты, такая-сякая, меня не разбудила, не позвала? Почему её выпустила?..

Работница говорит:

— Я тебе столько лет служу — никогда слова доброго от тебя не слыхала, а она платочек мне подарила, хорошо да ласково со мной разговаривала!

Покричала Баба-яга, пошумела, потом села в ступу и помчалась в погоню. Пестом погоняет, помелом след заметает...

А девочка бежала-бежала, остановилась, приложила ухо к земле и слышит: земля дрожит, трясётся — Баба-яга гонится и уж совсем близко...

Достала девочка гребень и бросила через правое плечо. Вырос тут лес, дремучий да высокий: корни у деревьев на три сажени под землю уходят, вершины облака подпирают.

Примчалась Баба-яга, стала грызть да ломать лес. Она грызёт да ломает, а девочка дальше бежит.

Много ли, мало ли времени прошло, приложила девочка ухо к земле и слышит: земля дрожит, трясётся — Баба-яга гонится и уж совсем близко.

Взяла девочка полотенце и бросила через правое плечо. В тот же миг разлилась река — широкая-преширокая, глубокая-преглубокая!

Подскочила Баба-яга к реке, от злости зубами закрипела — не может через реку перебраться.

Воротилась она домой, собрала своих быков и погнала к реке:

— Пейте, мои быки! Выпейте всю реку до дна!

Стали быки пить, а вода в реке не убывает.

Рассердилась Баба-яга, легла на берег, сама стала воду пить. Пила, пила, пила, пила, дѸ тех пор пила, пока не лопнула.

А девочка тем временем знай бежит да бежит.

Вечером вернулся домой отец и спрашивает у жены:

— А где же моя дочка?

Баба говорит:

— Она к тѸтушке пошла — иголочку да ниточку попросить, да вот задержалась что-то.

Забеспокоился отец, хотел было идти дочку искать, а дочка домой прибежала, запыхалась, отдышаться не может.

— Где ты была, дочка? — спрашивает отец.

— Ах, батюшка! — отвечает девочка. — Меня мачеха посылала к своей сестре, а сестра её — Баба-яга, костяная нога. Она меня съесть хотела. Насилу я от неё убежала!

Как узнал всё это отец, рассердился он на злую бабу и выгнал её грязным помелом вон из дому. И стал он жить вдвоѸм с дочкой дружно и хорошо.

Здесь и сказке конец.

Двенадцать месяцев

Словацкая сказка

Жила когда-то в одной деревне девушка — добрая и работящая. А ещё такая красивая — что лучше и во всём свете, пожалуй, не сыскать. Говорят, что, когда стирала она бельё на реке, даже маленькие глупые рыбки приплывали взглянуть на неё. Мать этой девушки давно умерла. Отец снова женился, и досталась ему женщина злая и сварливая. Хуже и в сказках не бывает. Была у мачехи своя дочь. Характером точь-в-точь мать. Да к тому же такая собой безобразная, что даже мать, глядя на неё, тихонько вздыхала.

Возненавидели мачеха и её дочь падчерицу. Бьют её, ругают, куском хлеба попрекают да работы тяжёлой задают немерено. Но вот беда — что ни день, становится падчерица всё красивее, а мачехина дочь — всё уродливее. «Что бы сделать, — думает злая баба, — чтобы избавиться от падчерицы. Скоро к ней женихи валом повалят, а на мою дочь родную никто и не взглянет...»

Вот и придумала. Как-то в конце декабря, когда стояли лютые морозы, уехал отец девушки в город за подарками. А мачеха тут как тут. Зовёт она к себе падчерицу и говорит ей:

— Ах ты, лентяйка, лежебока такая-разэтакая! Скоро уж будет у нас праздник, а твоей сестре и похвалиться нечем. Ступай-ка в лес, набери букет фиалок, чтобы приколола она их к платью да кавалеров порадовала.

— Как же это так, матушка? — спрашивает девушка. — На дворе декабрь месяц, снегом всё замело. Откуда же фиалкам взяться?

— Ступай сейчас же! — топнула ногой злая баба. — И не вздумай без фиалок возвращаться!

Вытолкнула она бедную девушку на улицу и дверь за ней захлопнула.

Видит падчерица, делать нечего. Пошла она в лес. А уж ночь близится. Мороз лютует. До самых костей проморозить норовит, ветер завывает, пути-дороги не видать.

«Значит, судьба у меня такая. Замёрзну в лесу», — думает девушка.

Шаг за шагом по сугробам — всё дальше уходит она от родных мест. Вот уж лес вокруг дикий, незнакомый. Вдруг видит девушка — то ли звёздочка, то ли костёр вдалеке горит. И будто даже потихоньку ей подмигивает. Пошла девушка за огоньком и вышла на полянку.

Яркий костёр горел посреди той полянки, и сидело вокруг него двенадцать человек — похожих, будто братья родные, только возрасту все разного. Самый старший из них, с густой седой бородою, держал в руках узорный посох.

Заробела девушка. Что за люди?.. Да обратно поворачивать боязно. Низко поклонилась она незнакомцам.

— Здравствуйте, — говорит, — люди добрые. Позвольте чуть-чуть у костра вашего обогреться.

— Здравствуй, девица, — хором отвечают ей братья. — Садись, гостьей нашей будешь.

Присела девушка у костра, пальцы замёрзшие греет. И вдруг стало ей так хорошо и спокойно, будто рядышком с родной матушкой очутилась.

Меж тем старший из братьев спрашивает:

— Куда путь, красавица, держишь? Чего в такую ночь ищешь?

— Ах, — вздохнула девушка. — Не своей волей, но по велением мачехи. Послала она меня в лес за фиалками и строго-настрого приказала без них не возвращаться.

— Откуда же в декабрьском лесу фиалки? — снова спрашивает старший. — Фиалкам май месяц нужен.

— Знаю, дедушка, знаю, да что поделаешь?! Не пустит мачеха меня в дом без фиалок.

— Братец, а братец, — говорит тут самый молодой из них в щегольской шубке да ярких сапожках, — давай де-вице поможем. Пропадёт ведь совсем без нашей помощи.

Задумчиво покачал головой старший:

— Поможем сейчас — мачеха ещё что-нибудь придумает. Летом за снегом пошлёт.

— Так пусть посылает! Я-то всегда!.. — вскинулся молодой.

Укоризненно посмотрел на него старший:

— Уж больно ты, Январь, легкомыслен. Ну да ладно. Что ни говори, а помочь надо.

Слушает девушка и дивится. «Кто же это передо мной?» — думает.

А братья промеж себя разговор продолжают:

— Позволь мне, Декабрь, на твоё место ненадолго встать. И вправду, пропадёт без нас девушка!

Стали все месяцы упрашивать Декабрь, чтобы помог он девушке, и решился суровый старик.

— Хорошо, — говорит, — бери, Май, мой посох. Быть тебе на полчаса в лесу главным. Да смотри, не очень озоруй!

Взял юный Май братьев посох, взмахнул им и сказал:

— Пусть — по слову моему —
Здесь случится чудо —
Снег пускай сойдёт в бору
И я править буду!

Только-только произнёс он эти слова, как заспешили по земле ручейки, обнажилась земля. Вот уже показались из неё маленькие зелёные росточки. Стремительно потянулись они кверху, становясь нежной молоденькой травкой. А среди травы, словно голубые глазки, запестрели фиалки.

Смотрит девушка на этокое чудо, и глазам своим не верит.

А Май ей ласково:

— Рви фиалки, красавица, недолго моё время. Не бывать маю посреди зимы, скоро брат Декабрь в свои права вступит.

Кинулась девушка собирать цветы, набрала букетик и травинкой его перевязала.

— Спасибо, — говорит, — братья-месяцы. Спасли вы меня от лютой смерти. Век ва² не забуду!

— И в другой раз приходи, если нужда такая настанет, — говорит ей старик Декабрь.

Пошла домой девушка, оглянулась, а позади уже опять сугробы да сугробы. Будто и приснилось всё ей. Да только под старенькой шубкой букетик цветов спрятан. Видно, и вправду бывают чудеса на свете.

Вернулась она домой, стучится. А мачеха ей:

— Что пришла?! Ступай обратно! Говорю же: без фиалок не возвращайся!

Достала девушка из-под шубы фиалки и подаёт мачехе. А та аж в лице от злобы переменялась. Не поймёт никак, откуда падчерица цветы достала, как приказание исполнить смогла?.. Стала к девушке с вопросами приступить. А девушка:

— В лесу нашла, матушка, всё как вы и сказали. На полянке одной росли...

Делать нечего, оставила мачеха девушку в покое. Но на завтра вновь сговорилась она со своей дочерью и вместе к падчерице приступают:

— Ах ты, лентяйка, лежебока такая-разэтакая! Скоро уж будет у нас праздник, а твоей сестре и полакомиться нечем! Ступай в лес, принеси сладких ягод.

— Как же это так, матушка? — удивляется девушка. — На дворе декабрь месяц, снегом всё замело. Ягоды в июле поспевают.

Но не стали её даже слушать, вытолкали на улицу, а дверь крепко-накрепко за ней заперли.

Пошла девушка опять в лес. Метель её кружит, с дороги сбивает, снегом колючим в лицо бьёт, ветви деревьев за шубу хватают, идти не пускают. Уже и не знает она, куда идти, что делать. «Видно, судьба у меня такая, — думает. — Совсем в лесу сгину». Вдруг видит — вчерашняя звёздочка. Пошла девушка за ней и вышла на поляну.

На поляне — костёр ярче прежнего. Как и прежде, сидят вокруг него двенадцать братьев-месяцев. Низко поклонилась им девушка и вновь попросилась у костра погреться.

— Здравствуй-здравствуй, — отвечают ей месяцы.

А суровый Декабрь спрашивает:

— Зачем, красавица, пожаловала? Что ещё твоя мачеха надумала?

Рассказала девушка всё как есть.

— Ну что ж, — отвечают месяцы. — И в этот раз поможем мы твоему горю.

Взял Июль месяц братьев посох, взмахнул им и произнёс:

— Пусть — по слову моему —

Вновь случиться чуду —

Будут ягоды в бору

И я править буду!

Только сказал — и вновь заспешили по земле ручейки, растаял снег, из земли показалась молодая травка, а среди неё — земляничные побеги. Вот уже расцвели на землянике белые цветочки. Распустились и опали, а на их месте появились ягодки. Краснеют землянички, сладким соком наливаются.

Смотрит на это девушка, и взгляда отвести не может. Что за чудо чудесное?!

— Собирай же скорей, — говорит ей Июль ласково. — Не долго моему времени быть, скоро вновь в права братец Декабрь вступит. Заметёт тропинки — до самой весны.

Набрала девушка полную горсть крупных сладких ягод, поклонилась братьям в пояс, благодаря их за доброту, и домой пошла.

Оглянулась — а позади снег нехоженный, и качают на студёном ветру ветвями дерева. А в руке-то земляника! Настоящая!

Вернулась девушка в дом. Ещё больше взъярилась злая мачеха.

«Что же делать? — думает. — Как бы падчерицу вконец извести?..»

Сговорилась она со своей дочерью, и как наступил следующий вечер, вновь девушку в лес посылают.

— Принеси, — говорят, — наливных яблочек. И без них возвращаться не думай!

Вытолкали они бедную девушку за дверь, а там метель ещё пуще прежнего. Так и завывает, в хороводе закружить норовит, с пути сбить, памяти лишить, до костей проморозить.

Делать нечего. Пошла девушка в лес. А мачеха с дочерью за ней — посмотреть, кто падчерице помогает, её от лютой смерти спасает.

Идёт девушка. Башмаки в сугробах намокли, колючий снег в лицо бьёт...

Долго блуждала она, но вот видит знакомую звёздочку. Пошла девушка за ней и вышла на полянку, где двенадцать месяцев сидели.

А мачеха с дочерью за деревьями схоронились — смотрят да слушают.

Поклонилась девушка братьям-месяцам и рассказала о новой напасти.

— Что ж, — говорит Декабрь. — И теперь поможем тебе. Не в нашем обычае нуждающегося без помощи бросать. Каждый в свой черёд заботимся мы о земле, да за порядком наблюдаем. Но ныне передам я свой посох братцу Сентябрю. Будут твоей мачехе наливные яблочки.

Взял братьев посох Сентябрь, взмахнул им и говорит:

— Пусть — по слову моему —
Будь ещё раз чуду —
Будут яблочки в бору
И я править буду!

Только сказал он — растаял снег, зазеленела трава и покрылась лесная яблонька кружевными цветами. Расцвели цветы и опали, а на их месте яблочки показались. Что ни минута — всё растут и зреют, сладким соком наливаются.

Стоит девушка и глазам своим поверить не может. В несколько мгновений промчался перед ней почти полный год.

— Что же ты медлишь? — спрашивает её меж тем Сентябрь. — Не долго быть моему времени. Ещё зима середины своей не достигла.

Потом весне быть и лету. А уж там, вслед за братцем Августом, и мой черёд.

Нарвала девушка яблок. Некрупных, как и все лесные яблочки, зато сочных и румяных.

Поклонилась она двенадцати месяцам — всем сразу да каждому в особицу. И пошла домой.

Но только она от костра, к костру мачеха с дочкой.

— Слышали мы, — говорят, — что вы девчонке глупой помогаете. Мы тоже свою долю получить хотим. Пусть каждый месяц нам по подарочку даст!

Переглянулись меж собой братья. А Декабрь и говорит:

— Ну что же, будь по-вашему. Примите, любезные да ласковые, сперва от меня подарочек.

Нахмурил он брови, ударил посохом — и закружила по лесу такая метель, что мачеха с дочерью света белого не взвидели.

— Хватит! Хватит! Достаточно! — кричат.

Да кто же услышит их за рёвом ветра.

Так они в лесу и сгнули.

Падчерица тем временем вернулась домой. Долго ждала она мачеху и сестрицу, но те так и не объявились. Скоро и отец из города приехал, подарков привёз. И зажили они хорошо и счастливо.

А двенадцать месяцев она с тех пор только по отдельности видела. С декабря до декабря каждый из них в свою пору в гости заходил. И не просто так — с подарками. Кто снега пушистого принесёт, кто капелью звонкой порадует, а кто грибами да ягодами...

Братья Гримм

Белоснежка

Э то было в середине зимы. Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна, — рама его была из чёрного дерева, — и королева шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглою палец, — и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот если б родился у меня ребёнок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как чёрное дерево, — и прозвали её потому Белоснежкой. А когда ребёнок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. Эта была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил её красотой. Было у неё волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и гляделась в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И зеркало отвечало:

Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Белоснежка за это время подрастала и становилась всё краше, и, когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивей самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

Зеркальце ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но Белоснежка в тысячу раз богаче красой.

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Белоснежку — и сердце у неё разрывается, так невлюбила она девочку. И зависть, и высокомерие разрастались, как сорные травы, в её сердце всё выше и выше, и не было у неё отныне покоя ни днём ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:

— Заведи эту девочку в лес, — я больше видеть её не могу. Ты должен её убить и принести мне в знак доказательства её лёгкие и печень.

Егерь послушался и завёл девочку в лес; но, когда вытащил он свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чём не повинное сердце Белоснежки, та стала плакать и просить:

Братья Гримм

Белоснежка

Э то было в середине зимы. Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна, — рама его была из чёрного дерева, — и королева шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглою палец, — и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот если б родился у меня ребёнок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как чёрное дерево, — и прозвали её потому Белоснежкой. А когда ребёнок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. Эта была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил её красотой. Было у неё волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и гляделась в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И зеркало отвечало:

Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Белоснежка за это время подрастала и становилась всё краше, и, когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивей самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

Зеркальце ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но Белоснежка в тысячу раз богаче красой.

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Белоснежку — и сердце у неё разрывается, так невзлюбила она девочку. И зависть, и высокомерие разрастались, как сорные травы, в её сердце всё выше и выше, и не было у неё отныне покоя ни днём ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:

— Заведи эту девочку в лес, — я больше видеть её не могу. Ты должен её убить и принести мне в знак доказательства её лёгкие и печень.

Егерь послушался и завёл девочку в лес; но, когда вытащил он свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чём не повинное сердце Белоснежки, та стала плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь ты меня в живых! Я убегу далеко-далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого, что была она такая красивая, егерь над ней сжалился и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И подумал про себя: «Всё равно там тебя скоро съедят дикие звери», — и будто камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Белоснежку.

И как раз в это время подбежал молодой олень, егерь его заколол, вырезал у него лёгкие и печень и принёс их королеве в знак доказательства, что её приказание исполнено. Повару было велено сварить их в солёной воде, и злая женщина их съела, думая, что это лёгкие и печень Белоснежки.

Осталась бедная девочка в дремучем лесу одна-одинёшенька, и в страхе она оглядела все листочки на деревьях, не зная, как ей быть дальше, как своему горю помочь.

Она пустилась бежать и бежала по острым камням, через колючие заросли; и прыгали около неё дикие звери, но её не трогали. Бежала она сколько сил хватило, но вот стало наконец смеркаться. Вдруг она увидела маленькую избушку и зашла в неё отдохнуть. И было в той избушке всё таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нём семь маленьких тарелочек, возле каждой тарелочки по ложечке, а ещё семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены в ряд семь маленьких кроваток, и они были покрыты белоснежными покрывалами.

Захотелось Белоснежке поесть и попить, она взяла из каждой тарелочки понемногу овощей и хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина, — ей не хотелось пить всё из одного. А так как она очень устала, то легла в одну из постелек, но ни одна из них для неё не подходила: одна была слишком длинной, другая — слишком короткой, но

сдьмая оказалась наконец ей как раз впору; она в неё улеглась и, отдавшись на милость господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки; были то семеро гномиков, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и, когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не всё оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый гномик:

— Кто это на моём стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлеба?

Четвёртый:

— А кто мои овощи ел?

Пятый:

— Кто моей вилочкой брал?

Шестой:

— А кто моим ножичком резал?

Сдьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

Оглянулся первый и заметил на своей постельке маленькую складочку и спросил:

— А кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул сдьмой гномик на свою постель, видит — лежит в ней Белоснежка и спит. Кликнул он тогда остальных; подбежали они, стали от удивления кричать, принесли семь своих лампочек и осветили Белоснежку.

— Ах, боже мой! Ах, боже мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребёнок!

Они так обрадовались, что не стали её будить и оставили спать в постельке. А сдьмой гномик проспал у каждого из своих товарищей по часу, — так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Белоснежка, увидела семь гномиков и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили её:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Белоснежкой, — ответила она.

— Как ты попала в нашу избушку? — продолжали спрашивать гномики.

И она рассказала им о том, что мачеха хотела её убить, но егеря сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока наконец не нашла их избушку.

Гномики спросили:

— Хочешь вести у нас хозяйство? Стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, всё содержать в чистоте и порядке, — если ты на это согласна, то можешь у нас остаться, и будет у тебя всего вдосталь.

— Хорошо, — сказала Белоснежка, — с большой охотой, — и осталась у них.

Она содержала избушку в порядке. Утром гномики уходили в горы копать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу приготовить им ужин. Целый день девочке приходилось оставаться одной, и потому добрые гномики её предостерегали и говорили:

— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь. Смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев лёгкие и печень Белоснежки, стала опять думать, что она теперь самая первая красавица в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Испугалась тогда королева, — она ведь знала, что зеркальце говорит правду, и поняла, что егерь её обманул, что Белоснежка ещё жива. И она стала снова думать и гадать, как бы её извести. И не было ей от зависти покоя, оттого что не она самая первая красавица в стране.

И вот под конец она кое-что надумала: она нарисовала себе лицо, переделалась старой

торговкой, и теперь её никак нельзя было узнать. Направилась она через семь гор к семи гномам, постучала в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Белоснежка в окошко и говорит:

— Здравствуй, голубушка! Ты что продаёшь?

— Хорошие товары, прекрасные товары, — ответила та, — шнурки разноцветные, — и достала ей один из них показать, и был он сплетён из пёстрого шёлка.

«Эту почтенную женщину можно, пожалуй, и в дом пустить», — подумала Белоснежка. Она отодвинула дверной засов и купила себе красивые шнурки.

— О, как они тебе идут, девочка, — молвила старуха, — дай-ка я зашнурую тебе лиф как следует.

Белоснежка, не предвидя ничего дурного, стала перед нею и дала затянуть на себе новые шнурки. И начала старуха шнуровать, да так быстро и так туго, что Белоснежка задохнулась и упала замертво наземь.

— Это за то, что ты самой красивой была, — сказала королева и быстро исчезла.

А вскоре, к вечеру, вернулись семь гномиков домой, и как они испугались, когда увидели, что их милая Белоснежка лежит на полу — не двинется, не шелохнётся, точно мёртвая! Они подняли её и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована; тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя.

Когда гномики услышали о том, как всё это случилось, они сказали:

— Старая торговка была на самом-то деле злой королевой. Берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома.

А злая женщина возвратилась тем временем домой, пошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

Ответило ей зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Когда она услышала такой ответ, вся кровь прилила у неё к сердцу, так она испугалась, — она поняла, что Белоснежка ожила снова.

— Ну, уж теперь, — сказала она, — я придумаю такое, что погубит тебя наверняка.

И, зная разное колдовство, она приготовила ядовитый гребень. Потом переделалась она и притворилась другою старухой. И отправилась за семь гор к семи гномам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Белоснежка выглянула в окошко и говорит:

— Проходи себе дальше, в дом пускать никого не велено!

— Поглядеть-то, пожалуй, можно, — молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Белоснежке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала:

— Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу.

Бедная Белоснежка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать; но только та прикоснулась гребешком к её волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

— Ты, писаная красавица, — сказала злая женщина, — уж теперь-то пришёл тебе конец! — И, сказав это, она ушла.

Но, по счастью, дело было под вечер, и семеро гномиков вскоре вернулись домой. Заметив, что Белоснежка лежит на полу мёртвая, они тотчас заподозрили в этом мачеху, стали доискиваться, в чём дело, и нашли ядовитый гребень; и как только они его вытащили, Белоснежка опять пришла в себя и рассказала им обо всём, что случилось. Тогда гномики ещё раз предупредили её, чтоб она была поосторожней и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Услыхав, что говорит зеркало, она вся задрожала-затрепетала от гнева.

— Белоснежка должна погибнуть, — крикнула она, — даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко. Было оно на вид очень красивое, белое с красными крапинками, и всякий, кто его бы увидел, захотел бы его съесть; но кто съел хотя бы кусочек, тот непременно бы умер.

Когда яблоко было готово, королева накрасила себе лицо, переделалась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу — за семь гор, к семи гномам. Она постучалась; Белоснежка высунула голову в окошко и говорит:

— Пускать в дом никого не велено — семь гномиков мне это запретили.

— Оно правильно, — ответила крестьянка, — но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я тебе одно из них подарю?

— Нет, — сказала Белоснежка, — мне брать ничего не велено.

— Ты что ж, отравы боишься? — спросила старуха, — Погляди, я разрежу яблоко на две половинки: румяную съешь ты, а белую я.

А яблоко было сделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной. Захотелось Белоснежке отведать прекрасного яблока, и, когда она увидела, что крестьянка его ест, девочка не удержалась, высунула из

окошка руку и взяла отравленную половинку. Только откусила она кусок, тотчас упала замертво наземь. Посмотрела на неё своими страшными глазами королева и, громко захохотав, сказала:

— Бела как снег, румяна, как кровь, черноволоса, как чёрное дерево! Уж теперь-то твои гномики не разбудят тебя никогда!

Она вернулась домой и стала спрашивать у зеркала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало наконец:

Вы, королева, красивей во всей стране.

Успокоилось тогда её завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой.

Гномики, возвратясь вечером домой, нашли Белоснежку лежащей на земле, бездыханной и мёртвой. Они подняли её и стали искать отраву: они расшнуровали её, причесали ей волосы, обмыли её водой и вином, но ничего не помогло, — бедная девочка как была мёртвой, так мёртвой и осталась.

Положили они её в гроб, уселись все семеро вокруг неё, стали её оплакивать и проплакали так целых три дня. Потом они решили её похоронить, но она выглядела, как живая, — щёки у неё были по-прежнему красивые и румяные.

И сказали они:

— Как можно её такую в землю закапывать?

И они велели сделать для неё стеклянный гроб, чтоб можно было её видеть со всех сторон, и положили её в тот гроб, написали на нём золотыми буквами её имя и что была она королевской дочерью. Отнесли они гроб на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И явились также звери и птицы оплакивать Белоснежку: сначала сова, потом ворон и, наконец, голубок.

И долго-долго лежала в гробу Белоснежка, и казалось, что она спит, — была она бела как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как чёрное дерево.

Но однажды случилось, что заехал королевич в тот лес и попал в дом гномиков, чтобы там переночевать. Он увидел на горе гроб, а в нём прекрасную Белоснежку и прочёл, что было написано на нём золотыми буквами. И сказал он тогда гномикам:

— Отдайте мне этот гроб, я дам вам за это всё, что вы пожелаете.

Но ответили гномики:

— Мы не отдадим его даже за всё золото на свете.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его, — я не могу жить, не видя Белоснежки, я буду её глубоко уважать и почитать, как свою возлюбленную.

Когда он это сказал, добрые гномики сжалились над ним и отдали ему гроб; и велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что они споткнулись в кустах, и от сотрясения кусок отравленного яблока выпал из горла Белоснежки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а потом встала из него и ожила снова.

— Ах, господи, где ж это я? — воскликнула она.

Корольевич, обрадованный, ответил:

— Ты со мной, — и рассказал ей всё, что произошло, и молвил: — Ты мне милее всего на свете; пойдём вместе со мной в замок моего отца, и ты будешь моею женой.

Белоснежка согласилась и пошла вместе с ним; и отпраздновали они свадьбу с большой пышностью.

Но на свадебный пир была приглашена и злая мачеха Белоснежки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но королева в тысячу раз богаче красой!

И вымолвила тогда злая женщина своё проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что она не знала, как ей с собой совладать. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя — ей хотелось пойти и посмотреть на молодую королеву. Она вошла во дворец и узнала Белоснежку, и от страха и ужаса — как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для неё на горячие угли железные туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед нею. И она должна была ступить ногами в докрасна раскалённые туфли и плясать в них до тех пор, пока наконец не упала, мёртвая, наземь.

Ханс Кристиан Андерсен

Стойкий оловянный солдатик

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков. Все сыновья одной матери — старой оловянной ложки, — и, значит, приходились они друг другу родными братьями. Это были славные, brave ребята: ружьё на плече, грудь колесом, мундир красный, отвороты синие, пуговицы блестят... Ну, словом, чудо что за солдатики!

Все двадцать пять лежали рядком в картонной коробке. В ней было темно и тесно. Но оловянные солдатики терпеливый народ, они лежали не шевелясь и ждали дня, когда коробку откроют.

И вот однажды коробка открылась.

— Оловянные солдатики! Оловянные солдатики! — закричал маленький мальчик и от радости захлопал в ладоши.

Ему подарили оловянных солдатиков в день его рождения.

Мальчик сейчас же принялся расставлять их на столе.

Двадцать четыре были совершенно одинаковые — одного от другого не отличить, а двадцать пятый солдатик был не такой, как все. Он оказался одноногим. Его отличали последним, и олова немного не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твёрдо, как другие на двух.

Вот с этим-то одноногим солдатиком и произошла замечательная история, которую я вам сейчас расскажу.

На столе, где мальчик построил своих солдатиков, было много разных игрушек. Но лучше всех игрушек был чудесный картонный дворец. Через его окошки можно было заглянуть внутрь и увидеть все комнаты. Перед самым дворцом лежало круглое зеркальце. Оно было совсем как настоящее озеро, и вокруг этого зеркального озера стояли маленькие зелёные деревья. По озеру плавали восковые лебеди и, выгнув длинные шеи, любовались своим отражением.

Всё это было прекрасно, но самой красивой была хозяйка дворца, стоявшая на пороге, в широко раскрытых дверях. Она тоже была вырезана из картона; на ней была юбочка из тонкого батиста, на плечах — голубой шарф, а на груди — блестящая брошка, почти такая же большая, как голова её владелицы, и такая же красивая.

Красавица стояла на одной ножке, протянув вперёд обе руки, — должно быть, она была танцовщицей. Другую ножку она подняла так высоко, что наш оловянный солдатик сначала даже решил, что красавица тоже одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену! — подумал оловянный солдатик. — Да только она, наверно, знатного рода. Вон в каком прекрасном дворце живёт!.. А мой дом — простая коробка, да ещё набилось нас туда чуть не целая рота — двадцать пять солдат. Нет, ей там не место! Но познакомиться с ней всё же не мешает...»

И солдатик притаился за табакеркой, стоявшей тут же, на столе.

Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу, которая всё время стояла на одной ножке и при этом ни разу даже не покачнулась!

Поздно вечером всех оловянных солдатиков, кроме одного — его так и не могли найти, — уложили в коробку, и все люди легли спать.

И вот когда в доме стало совсем тихо, игрушки сами стали играть: сначала в гости, потом в войну, а под конец устроили бал. Оловянные солдатiki стучали ружьями в стенки своей коробки — им тоже хотелось выйти на волю и поиграть, но они никак не могли поднять тяжёлую крышку. Даже щелкунчик принялся кувираться, а грифель пошёл плясать по доске, оставляя на ней белые следы, — тра-та-та-та, тра-та-та-та! Под-

нялся такой шум, что в клетке проснулась канарейка и начала болтать на своём языке так быстро, как только могла, да притом ещё стихами.

Только одноногий солдатик и танцовщица не двигались с места.

Она по-прежнему стояла на одной ножке, протянув вперёд обе руки, а он застыл с ружьём в руках, как часовой, и не сводил с красавицы глаз.

Пробило двенадцать. И вдруг — щёлк! — раскрылась табакерка.

В этой табакерке никогда и не пахло табаком, а сидел в ней маленький злой тролль. Он выскочил из табакерки, как на пружине, и огляделся кругом.

— Эй ты, оловянный солдат! — крикнул тролль. — Не больно заглядывайся на плясунью! Она слишком хороша для тебя.

Но оловянный солдатик притворился, будто ничего не слышит.

— Ах, вот ты как! — сказал тролль. — Ладно же, погоди до утра! Ты меня ещё вспомнишь!

Утром, когда дети проснулись, они нашли одноногого солдата за табакеркой и поставили его на окно.

И вдруг — то ли это подстроил тролль, то ли просто потянуло сквозняком, кто знает? — но только окно распахнулось, и одноногий солдатик полетел с третьего этажа вниз головой, да так, что в ушах у него засвистело. Ну и натерпелся он страху!

Минуты не прошло — и он уже торчал из земли вверх ногой, а его ружьё и голова в каске застряли между булыжниками.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на улицу, чтобы отыскать солдата. Но сколько ни смотрели они по сторонам, сколько ни шарили по земле, так и не нашли.

Один раз они чуть было не наступили на солдата, но и тут прошли мимо, не заметив его. Конечно, если бы солдатик крикнул: «Я тут!» — его бы сейчас же нашли. Но он считал непристойным кричать на улице — ведь он носил мундир и был солдат, да притом ещё оловянный.

Мальчик и служанка ушли обратно в дом. И тут вдруг хлынул дождь, да какой! Настоящий ливень!

По улице расплзлись широкие лужи, потекли быстрые ручьи. А когда наконец дождь кончился, к тому месту, где между булыжниками торчал оловянный солдатик, прибежали двое уличных мальчишек.

— Смотри-ка, — сказал один из них. — Да, никак, это оловянный солдатик!.. Давай-ка отправим его в плавание!

И они сделали из старой газеты лодочку, посадили в неё оловянного солдата и спустили в канавку.

Лодочка поплыла, а мальчики бежали рядом, подпрыгивая и хлопая в ладоши.

Вода в канаве так и бурлила. Ещё бы ей не бурлить после такого ливня! Лодочка то ныряла, то взлетала на гребень волны, то её кружило на месте, то несло вперёд.

Оловянный солдатик в лодочке весь дрожал — от каски до сапога, — но держался стойко, как полагается настоящему солдату: ружьё на плече, голова кверху, грудь колесом.

И вот лодочку занесло под широкий мост. Стало так темно, словно солдатик опять попал в свою коробку.

«Где же это я? — думал оловянный солдатик. — Ах, если бы со мной была моя красавица-танцовщица! Тогда мне всё было бы нипочём...»

В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Ты кто такой? — закричала она. — А паспорт у тебя есть? Предъяви паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и только крепко сжимал ружьё. Лодку его несло всё дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щёлкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держите его! Держите! У него нет паспорта!

И она изо всех сил загребала лапами, чтобы догнать солдатика. Но лодку несло так быстро, что даже крыса не могла угнаться за ней. Наконец оловянный солдатик увидел впереди свет. Мост кончился.

«Я спасён!» — подумал солдатик.

Но тут послышался такой гул и грохот, что любой храбрец не выдержал бы и задрожал от страха. Подумать только: за мостом вода с шумом падала вниз — прямо в широкий бурный канал!

Оловянному солдатiku, который плыл в маленьком бумажном кораблике, грозила такая же опасность, как нам, если бы нас в настоящей лодке несло к настоящему большому водопаду.

Но остановиться было уже невозможно. Лодку с оловянным солдатиком вынесло в большой канал. Волны подбрасывали и швыряли её то вверх, то вниз, но солдатик по-прежнему держался молодцом и даже глазом не моргнул.

И вдруг лодочка завертелась на месте, зачерпнула воду правым бортом, потом левым, потом опять правым и скоро наполнилась водой до самых краёв.

Вот солдатик уже по пояс в воде, вот уже по горло... И наконец вода накрыла его с головой.

Погружаясь на дно, он с грустью подумал о своей красавице. Не видать ему больше милой плясуньи!

Но тут он вспомнил старую солдатскую песню:

Шагай вперёд, всегда вперёд!

Тебя за гробом слава ждёт!.. —

и приготовился с честью встретить смерть в страшной пучине. Однако случилось совсем другое.

Откуда ни возьмись, из воды вынырнула большая рыба и мигом проглотила солдатика вместе с его ружьём.

Ах, как темно и тесно было в желудке у рыбы, темнее, чем под мостом, теснее, чем в коробке! Но оловянный солдатик и тут держался стойко. Он вытянулся во весь рост и ещё крепче сжал своё ружьё. Так он пролежал довольно долго.

Вдруг рыба заметалась из стороны в сторону, стала нырять, извиваться, прыгать и, наконец, замерла.

Солдатик не мог понять, что случилось. Он приготовился мужественно встретить новые испытания, но вокруг по-прежнему было темно и тихо.

И вдруг словно молния блеснула в темноте.

Потом стало совсем светло, и кто-то закричал:

— Вот так штука! Оловянный солдатик!

А дело было вот в чём: рыбу поймали, свезли на рынок, а потом она попала на кухню. Кухарка распоролла ей брюхо большим блестящим ножом и увидела оловянного солдатика. Она взяла его двумя пальцами и понесла в комнату.

Весь дом сбежался посмотреть на замечательного путешественника. Солдатика поставили на стол, и вдруг — каких только чудес не бывает на свете! — он увидел ту же комнату, того же мальчика, то же самое окно, из которого вылетел на улицу... Вокруг были те же игрушки, а среди них возвышался картонный дворец, и на пороге стояла красавица-танцовщица. Она стояла по-прежнему на одной ножке, высоко подняв другую. Вот это называется стойкость!

Оловянный солдатик так растрогался, что из глаз у него чуть не покатались оловянные слёзы, но он вовремя вспомнил, что солдату плакать не полагается. Не мигая, смотрел он на танцовщицу, танцовщица смотрела на него, и оба молчали.

Вдруг один из мальчиков — самый маленький — схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, его подучил злой тролль из табакерки.

В печке ярко пылали дрова, и оловянному солдатiku стало ужасно жарко. Он чувствовал, что весь горит — то ли от огня, то ли от любви, — он и сам не знал. Краска сбегала с его лица, он весь полинял — может быть, от огорчения, а может быть, оттого, что побывал в воде и в желудке у рыбы.

Но и в огне он держался прямо, крепко сжимал своё ружьё и не сводил глаз с прекрасной плясуньи. А плясунья смотрела на него. И солдатик почувствовал, что тает...

В эту минуту дверь в комнату распахнулась настезь, сквозной ветер подхватил прекрасную танцовщицу, и она, как бабочка, порхнула в печку прямо к оловянному солдатiku. Пламя охватило её, она вспыхнула — и конец. Тут уж и оловянный солдатик совсем расплавился.

На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, чёрную, как уголь, брошку.

Это было всё, что осталось от стойкого оловянного солдатика и прекрасной плясуньи.

Содержание

Стихи о хорошем

О. Высотская. Детский сад	4
В. Маяковский. Что такое хорошо и что такое плохо?	6
З. Александрова. Дождик	14
В. Данько. Что делать после дождика?	15
В. Данько. Мой пёс	16
И. Пивоварова. Всех угостила	18
Н. Саконская. Разговор о маме	20
Я. Аким. Неумейка	22
В. Осеева. Гостья	28
И. Пивоварова. Ёжик	30
Э. Мошковская. Кузнечик	31
А. Кушнер. Кто разбил большую вазу?	32

Рассказы о хорошем

В. Осеева. Добрая хозяйшшка	35
В. Осеева. Хорошее	38
В. Осеева. Волшебное слово	40
В. Осеева. До первого дождя	47
В. Осеева. Синие листья	48
В. Драгунский. Друг детства	50
В. Драгунский. Тайное становится явным	56

Самые хорошие сказки

А. С. Пушкин. Сказка о золотом петушке	62
Баба-яга (В обработке М. Булатова)	77
Двенадцать месяцев. Словацкая сказка (Пересказ Е. Неволиной)	85
Братья Гримм. Белоснежка (Перевод Г. Петникова)	96
Х.-К. Андерсен. Стойкий оловянный солдатик (Перевод А. Ганзен, пересказ Т. Габбе и А. Любарской)	115

Для детей до трех лет
Серия «Все лучшие сказки»

КНИГА ДЛЯ ДЕТСКОГО САДА

Стихи, сказки, рассказы

Художники: В. КОРКИН, И. ПАНКОВ, А. ЛЕБЕДЕВ, Е. ПЕТРОВА, И. ПЕТЕЛИНА, Е. ЗВОЛЬСКАЯ

Дизайн обложки О. А. ЗАКИС

Художественный редактор М. В. ПАНКОВА

Технический редактор Е. О. ЛУНЕВА

Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА

Верстка А. А. КОМАРОВСКОГО

Подписано в печать 15.05.2015. Формат 84×108 1/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. ID 21888. Доп. тираж 15 000 экз. Заказ № 7428.

ЗАО «РОСМЭН».

Почтовый адрес: 127018, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2. Тел.: (495) 933-71-30.

Юридический адрес: 117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

ОТДЕЛ ПРОДАЖ: (495) 933-70-73; 933-71-30;

(495) 933-70-75 (факс).

Дата изготовления: июнь 2015 г.

Отпечатано в России.

В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 0+

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Книга для детского сада : стихи, сказки, рассказы / З. Александрова,
К53 Я. Аким, В. Осеева, В. Драгунский и др. — М. : РОСМЭН, 2015. — 128 с. : ил. —
(Все лучшие сказки).

Перед вами замечательная книга, в которую вошли лучшие произведения детской классики, предназначенные детям дошкольного возраста: это веселые и добрые стихи, поучительные истории и, конечно, волшебные сказки. Все они известны каждому с раннего детства, но и дети нашего времени с удовольствием познакомятся с ними. Книга, несомненно, станет чудесным подарком и займет достойное место в библиотеке детского сада.

ISBN 978-5-353-06746-7

УДК 82-32/34-1-93

ББК 84(4)

© З. Александрова, наследники, текст, 2014

© Я. Аким, наследники, текст, 2014

© М. Булатов, наследники, текст, 1964

© В. Данько, текст, 2014

© В. Драгунский, наследники, текст, 2014

© А. Кушнер, текст, 2014

© А. Любарская, наследники, текст, 2014

© В. Осеева, наследники, текст, 2014

© Г. Петников, наследники, текст, 2014

© И. Пивоварова, наследники, текст, 2014

© ЗАО «РОСМЭН», 2014

В СЕРИЮ

«ВСЕ ЛУЧШИЕ СКАЗКИ»

вошли самые известные произведения из сокровищницы детской классики. Созданные великими писателями или народной фантазией, они переносят маленьких читателей в волшебный мир, где живут принцы и принцессы, гномы и великаны, феи и колдуньи, разговаривают звери, в мир, где всегда побеждает добро, а зло бывает наказано!

В этой книге:

Стихи о хорошем

Рассказы о хорошем

Самые хорошие сказки

ISBN 978-5-353-06746-7

9 785353 067467

